

достичь своих политических целей. Открываться прежде времени было крайне опасно, особенно после того, как в пределы Гетманщины вошли крупные силы российской армии. Читая рассуждения историков, документы того времени, переписку Мазепы, складывается впечатление, что гетман до последнего дня тянул с окончательным решением.

Но напряжение с каждым часом нарастало. Шведы углублялись внутрь Гетманщины, царские войска шли параллельно, не решаясь вступить в решающую схватку и постепенно приближаясь к местам сосредоточения огромных запасов продовольствия и вооружения. Современные украинские историки утверждают, что Мазепа запасался для военного противостояния московскому войску. Думается, все же, что это не так. Свозя провиант, артиллерию и боеприпасы в Батурин, гетман еще не знал, против кого он будет воевать, выжидая роковой развязки. Но это ожидание сопровождалось страхом быть разоблаченным царем, поскольку сведений о его контактах со Станиславом Лещинским, польским ставленником шведов, становилось все больше. Гетману стоило больших трудов и нервов объяснять поступающие царю сведения о его переговорах с поляками намерениями польской стороны опорочить его. Но, как и прежде, царь Петр не верил "клеветникам", абсолютно доверяя Мазепе. Не стоит сбрасывать со счетов и наличие оппозиции самому царю, оказывавшее столь многочисленные услуги малороссийскому гетману в обмен на мудрые советы и, не в последнюю очередь, щедрые подарки. Как не стоит забывать и о врагах гетмана в том же царском окружении.

В такой неустойчивой обстановке любой, даже малозначительный эпизод мог привести к раскрытию тайных переговоров Мазепы. И такой эпизод не замедлил произойти. 1-го октября в руки генерала Инфлянта совершенно случайно попался польский шляхтич Якуб Улашин, который вез письмо гетману Мазепе от пана Понятовского, резидента короля Станислава Лещинского в ставке шведского короля, с просьбой освободить в знак старого знакомства своего пленного брата. Шляхтича отправили в походную